

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ СТРАТЕГИЙ СОЮЗНИЧЕСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Максим Александрович Сучков

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Мария Сергеевна Ходынская-Голенищева

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 11 апреля 2018 <i>Отправлена на редактирование:</i> 13 апреля 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 августа 2020</p>	<p>Аннотация: Современная история Ближнего Востока насчитывает как минимум четыре периода активного становления межгосударственных союзов – три из них под патронажем США. Возвращение России на Ближний Восток способствовало формированию новых союзных структур и коалиций. В отличие от американской «философии союзничества», в основании которой лежали императивы наращивания комплексного военно-политического присутствия и недопущение советской, а затем иранской, экспансии, российская модель ориентирована на тех игроков, взаимодействие с которыми способно решить текущий или потенциальный кризис в конкретный временной период. Вкупе с последовательной и прагматичной внешнеполитической линией, именно нетривиальные стратегии выстраивания гибких «альянсов» с местными игроками позволили Москве закрепить за собой статус одного из ведущих игроков в турбулентном регионе и заявить себя в качестве ответственной глобальной державы. Вместе с тем, сравнительный анализ российской кампании в Сирии и отношений с основными государствами региона позволяет говорить о наличии в политике России на Ближнем Востоке элементов как минимум трех стратегий построения союзов.</p> <p><i>Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Типология современных военно-политических союзов и модели отношений России с союзниками», проект №17-78-20170)</i></p>
<p>Об авторах: <i>Сучков М.А.</i>, к.полит.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем; старший научный сотрудник, Лаборатория анализа международных процессов, МГИМО МИД России e-mail: max-suchkov@yandex.ru <i>Ходынская-Голенищева М.С.</i>, д.и.н., профессор кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России; старший советник, Департамент внешнеполитического планирования, МИД России e-mail: khodynskaya_m@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Россия; Ближний Восток; безопасность; союзы; стратегия; Сирия; Турция; Иран; США</p>	

Современная теория международных отношений понимает союзы (*alliances*) как институт «формальной или неформальной приверженности сотрудничеству в области безопасности между двумя или более государствами»¹. Данная дефиниция позволяет использовать сразу несколько критери-

ев для выделения различных форм союзов, а также обстоятельств, при которых союзы формируются: военные (оборонительные и наступательные), политические (симметричные и асимметричные), стратегические и пр. В свою очередь, эти союзы варьируются по характеру ценностно-идеологического наполнения, ориентации на безопасность и степени институционализации.

¹ Walt, S. Why Alliances Endure or Collapse? // *Survival*. 1997. Vol. 39. Issue 1. Pp. 156-179.

В последние годы интерес к исследованию природы и характера союзов среди исследователей-международников возрос. Это объяснимо: союзы являются неотъемлемым элементом искусства государственного управления и выстраивания внешней политики страны². Понимание тенденций формирования союзов, их трансформаций в эпоху «де-вестернизации» международных отношений³, как минимум, важно для адекватного позиционирования себя в этой новой системе, максимум – для занятия в ней выгодного положения.

Для России, которая стала одним из главных участников процесса по демонтажу однополярного мира, вопросы «с кем заключать союзы», «на какой срок» и «на каких принципах» носят стратегический характер.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что в последние несколько лет ближневосточный трек стал весьма успешным направлением российской внешней политики. Особенно четко это проявилось во внешнеполитическом курсе Москвы в отношении Сирийской Арабской Республики (САР).

Анализируя российскую политику в Сирии, большинство западных и ближневосточных исследований зачастую рассуждают о наличии или отсутствии у Москвы долгосрочной стратегии в регионе⁴. Не в по-

следнюю очередь этот вопрос – производная изначальной уверенности у большей части западного политико-экспертного сообщества в неминуемом провале российской операции в Сирии. Тем не менее, проведение последовательной и прагматичной линии в контакте со всеми вовлеченными сторонами позволило России закрепить за собой статус одного из ведущих игроков на региональной и международной площадках, в рамках которых предпринимались попытки урегулирования конфликта в Сирии. Именно нетривиальные стратегии выстраивания гибких «альянсов» с местными игроками представляются ключевой составляющей российской политики в регионе.

Союзы на Ближнем Востоке в новейшее время: сравнительный анализ эволюции доктрин

Современная история Ближнего Востока богата на разнообразные варианты межгосударственных союзов. Начиная с первой половины XX века и до сегодняшних дней, исследователи выделяют четыре периода, когда на Ближнем Востоке закладывались системы союзов, оказавшие значительное влияние на региональную архитектуру⁵.

В период 1920-1948 гг. движущей силой к созданию союзов были интересы колониальных европейских держав, которые отчасти ассимилировались с амбициями некоторых региональных элит. Так, Великобритания фактически стремилась сохранить не прямое управление на Ближнем Востоке через содействие становлению монархий в Ираке, Эмирате Трансиордании и, в последующем, в Саудовской Аравии. Попытки таким образом сохранить свою роль в регионе в период упадка Британской империи позднее стали именоваться «союзом на удержание статус-кво» (status quo alliance)⁶.

strategy-or-opportunism-22736; Russia's Return to the Middle East: Building Sandcastles? // Ed by Nicu Popescu, Stanislav Secieru. Chaillot Paper № 146. July 2018, 120 p.

⁵ Hussain, N.; Amna, J. Alliance Politics and the New Power Equation in the Middle East // *NDU Journal*, 2018. Pp. 41-50.

⁶ См. подробно: Middleton, J. *World Monarchies and Dynasties*. London: Routledge, 2013. 201 p.

² Dwivedi, S. Alliances in International Relations Theory // *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*. August 2012. Vol. 1. Issue 8. Pp. 224-237.

³ См.: Воскресенский А.Д. Трансформация мирового порядка в условиях «постзападной» международной реальности // *Academic Journal of Russian Studies*. 2018. № 6 (48). С. 136-149. [Voskressenski, A.D. Transformatsiia mirovogo poriadka v usloviakh «postzapadnoi» mezhdunarodnoi real'nosti (Transformation of the World Order in the "Post-Western" International Reality) // *Academic Journal of Russian Studies*, 2018, No. 6 (48), pp. 136-149.]

⁴ Wasser, B. The Limits of Russian Strategy in the Middle East // RAND Corporation, 2019. 27 p.; The Role of Russia in the Middle East and North Africa Region. Strategy or Opportunism? / ISPI-EuroMeSCo Policy Study / Ed. by Valerie Talbot, Chiara Lovotti. 03.04.2019. Mode of access: [https://www.ispionline.it/it/publicazione/role-russia-middle-east-and-north-africa-region-](https://www.ispionline.it/it/publicazione/role-russia-middle-east-and-north-africa-region)

Второй период – самый продолжительный по времени (1947 – 1990 гг.) – ознаменовался замещением доминирующих внешних держав в регионе. На смену Британии и Франции пришли США и СССР, что задавало формированию региональных союзов иной характер и динамику. При этом, на протяжении всего периода разные американские администрации подходили к выстраиванию союзов неодинаково. «Доктрина Трумэна» (1947 г.), в частности, формулировала «принципы сдерживания» Советского Союза: важным региональным союзником Вашингтона в противостоянии с Москвой становилась Анкара. В 1950-1960-е гг. лейтмотивом американской политики в регионе было создание военно-политической инфраструктуры сдерживания «советского проникновения», что требовало создания сети военных баз. На этот период приходится наиболее плотная «загрузка» региона американскими разведцентрами, военно-воздушными базами и ракетными системами, направленными на борьбу с Советским Союзом.

К концу 1960-х гг. на смену доктрине Трумэна пришла «доктрина Никсона», в рамках которой оборона союзников признавалась «заботой самих союзников», но США брали на себя центральную роль в формировании оборонных потенциалов союзных государств. Значимым «приобретением» для США после этого кризиса стал Египет, отношения с которым предоставили Америке оперативный доступ к первому военно-логистическому маршруту к сердцу Персидского залива⁷.

До иранской революции 1979 г. американская стратегия «столпов-близнецов» («*twin pillar*» strategy) отводила лидирующую роль в охране Персидского залива от СССР и дружественных Москве режимов в Сирии, Ираке и Южном Йемене таким государствам, как Иран и Саудовская Аравия. Приход к власти Р. Хомейни обрушил «иранский столп» американской стратегии, а вторжение СССР в Афганистан, по мнению

американцев, означало возрастание рисков для союзников США в Персидском заливе. «Доктрина Картера» 1980-х гг. должна была стать ответом на этот вызов – США заявляли готовность применять военную силу для защиты арабских монархий Персидского залива от внешней агрессии.

Наконец, в период президентства Б. Клинтона американская политика на Ближнем Востоке получила название «стратегии двойного сдерживания» (*dual containment strategy*) и ориентировалась преимущественно на противостояние с Ираком и Ираном⁸.

Начало третьего периода (1990-2008 гг.) современной истории союзов на Ближнем Востоке пришлось на пик международного могущества Соединенных Штатов в условиях распада биполярной системы. Операция «Буря в пустыне» января 1991 г., призванная принудить к миру иракского лидера Саддама Хусейна после его вторжения в Кувейт – наивысшая точка американского военного присутствия и влияния на Ближнем Востоке.

Теракты 11 сентября 2001 г. коренным образом изменили систему американского восприятия угроз, исходящих из Ближнего Востока. Купирование вызова со стороны террористических группировок теперь дополнялось комплексной стратегией искоренения самих условий их возникновения. Центральным сюжетом этого этапа стало вторжение США в Ирак в 2003 г., которое оказало влияние на социально-политический ландшафт внутри Соединенных Штатов, а негативные для региона последствия этого вторжения не исчерпаны и по сей день.

Таким образом, вступив в начале третьего периода в войну против С. Хусейна ведущей мировой державой, уже ко второй половине 2000-х гг. – по причине новой иракской кампании – США обнаружили пределы собственной мощи в регионе и столкнулись с необходимостью пересмотра роли и места Ближнего Востока в системе собственных национальных интересов.

⁷ Krepinevich, A.; Watts, B. Regaining Strategic Competence. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments. 02.05.2009. Mode of access: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a506833.pdf>

⁸ Gause, G. Iran, Iraq and the United States: The Illogic of dual containment // Foreign Affairs. March/April, 1994 Issue. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/illogic-dual-containment>

Наконец, четвертый период формирования «больших союзов» в регионе (2008 – наст. время) был сперва связан с пересмотром американского подхода к региону, о котором президент Б. Обамой сказал в каирской речи в июне 2009 г.⁹ Однако военная структура США сохранилась практически без изменений, а сама стратегия «нового начала» (*New Beginning*), по сути, была сочетанием риторики Б. Клинтона и амбиций по трансформации региона Дж. Буша. Вместе с тем, череда восстаний в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока, получившая название «арабской весны», выявила неготовность администрации Б. Обамы к использованию силы в том виде и объеме, в каком ее использовали его предшественники.

Емко сформулировать «доктрину Обамы» сложнее, чем программные установки его предшественников в силу отсутствия четко артикулированных директив к действию и частого расхождения риторики с практикой политических действий («красные линии» для Б. Асада, вывод войск из Афганистана, «поддержка арабской улицы» и пр.). Эта доктрина предполагала вовлечение Ирана через ядерную сделку и не отвергала применение силы как таковой – но только в ситуации с пониженным риском для американских военнослужащих, оглядкой на возможные результаты подобного применения, акцентом на спецоперации и опору на вооруженные силы союзников.

Однако ключевым итогом этого периода стало возвращение в регион России как нового «балансера» и предложенные Москвой форматы сотрудничества, отличные от американских. «Арабская» весна, усиление в регионе России и война в Сирии ослабили доминировавшую с 1960-х гг. в регионе ось США-арабские монархии Аравийского полуострова-Израиль и способствовали формированию новых союзных и квази-союзных структур.

Россия на Ближнем Востоке: сравнительный анализ «стратегии сухопутной державы» и «стратегии союзничества в борьбе с внутренней угрозой»

Если политика Советского Союза на Ближнем Востоке во многом была детерминирована идеологическим вектором¹⁰, российская линия характеризуется большей гибкостью и прагматичностью. Более того, с началом операции в Сирии Москва намеренно и демонстративно избегает блокового подхода. Политика России подразумевает контакт с теми игроками, взаимодействие с которыми способно решить определенный аспект кризиса в конкретный временной период. Таким образом, теоретическое осмысление российских подходов к союзничеству на Ближнем Востоке возможно в привязке к конкретным странам в отдельный исторический период развития внутреннего вооруженного конфликта в Сирии. Сравнительный анализ российской кампании в САР и последующие вариации этой модели в отношениях с другими государствами региона позволяют говорить о наличии в российской линии по выстраиванию союзничества на Ближнем Востоке элементов как минимум трех стратегий: стратегия сухопутной державы, стратегия «союзничества в борьбе с внутренней угрозой» и сетевой подход.

Некоторые исследователи в качестве теоретической рамки изучения российских принципов в области союзничества предлагают опираться на пространственные категории. Действительно, «морские» и «сухопутные» державы (талассократии и теллулократии) руководствуются отличными факторами при заключении союзов¹¹. При этом, сторонники этого принципа обособляют себя от традиционного геополитического

⁹ President Obama Speech to Muslim World in Cairo. 04.06.2009. Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=B_889oBKkNU

¹⁰ См. подробно: Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: «Центрполиграф», 2018. 970 с. [Vasil'ev, A.M. Ot Lenina do Putina. Rossiia na Blizhnem i Srednem Vostoke (Russia in the Middle East: From Brezhnev to Putin). Moscow: Centerpoligraph, 2018. 970 p.]

¹¹ Levy, S.; Thompson, R. Balancing on Land and at Sea: Do States Ally against the Leading Global Power? // *International Security*, 2010, Vol. 35, No. 1, pp. 7-43.

подхода – к слову, еще одной «школы заключения союзов». Во-первых, они указывают на то, что географическое положение рассматривается не как центральная характеристика государства, но одна из переменных. Во-вторых, оговаривают, что обращение к терминологии континентальных и морских держав акцентирует не их противопоставление друг другу в качестве политических антагонистов, а сравнение «возможностей и ограничений, с которыми они сталкиваются исходя из их пространственного статуса»¹².

Исследователи, работающие в этой парадигме, справедливо отмечают, что следствием пространственного расположения России выступает потребность «в политико-стратегическом прикрытии максимального числа направлений, откуда могут исходить угрозы национальной безопасности»¹³. С этой точки зрения, наращивание дипломатических и военных усилий на южном стратегическом направлении, в том числе по выстраиванию союзно-дружеских отношений с ключевыми игроками ближневосточного региона, полностью соответствует стратегии России как сухопутной державы.

Вместе с тем, поскольку большинство формальных и неформальных союзов России сконцентрированы у её границ, выход далеко за пределы постсоветского пространства, к Ближнему Востоку, может восприниматься как отступление от этого принципа. В реальности же, после распада биполярной системы географический массив от Балкан, Черноморско-Каспийского бассейна, т.н. «Большого Ближнего Востока», Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае воспринималось специалистами как единое пространство безопасности¹⁴, а в американской терминологии

именовалось «дугой нестабильности»¹⁵. Таким образом, Ближний Восток, особенно с начала 2010-х гг., с его процессами дефрагментации государственности и волнами насилия и терроризма, с точки зрения безопасности выглядел как продолжение (extension) единого пространства угроз для южных границ России.

Одновременно, региональная турбулентность на Ближнем Востоке вкупе с кризисом американской стратегии регионального присутствия формировали запрос на присутствие сильного внешнего игрока. Арабская весна 2010-2011 гг. высвободила большое число угроз государственности и безопасности для многих стран Ближнего Востока. Большинство этих государств были не в состоянии справиться с ними самостоятельно, особенно в ситуации внешней интервенции и подрывной деятельности третьих стран. Одним пришлось изыскивать внутренние военно-политические ресурсы, чтобы, в конечном итоге, вернуться к еще более жесткой форме авторитаризма (Египет). Другие погрузились во внутри-гражданские конфликты, а по сути, стали полигоном для соперничества региональных и нерегиональных игроков (Ливия, Йемен).

Сирия, которая также стояла перед реальной угрозой распада как государство, обратилась за военной помощью к России. Отношения между двумя странами имеют давние исторические традиции с 1970-х гг., но движение к современному состоянию началось с середины 2000-х гг. В 2005 г. на встрече в Москве Президентов Башара Асада и Владимира Путина, Москва списала большую часть государственного долга Сирии – \$9,8 млрд из \$13,4 – в обмен на заключение контрактов на поставку оружия в САР и договора с сирийским правительством о развертывании в стране пунктов материального обеспечения для военно-морского флота России в портовых городах

Carnegie Endowment for International Peace, 1st ed. 1997, 512 p.

¹⁵ Rothkopf, D. The Arc of Instability, the Vacuum of Strategy // *Foreign Policy*, August 11, 2014. Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2014/08/11/arc-of-instability-vacuum-of-strategy-pub-56373>

¹² Истомин И.А.; Сушенцов А.А.; Силаев Н.Ю. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 4. С. 42-62. [Istomin, I.A.; Sushentsov, A.A.; Silaev, N.IU. Strategii soiuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav (Alliance Strategies of Continental and Naval Powers) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2018, Vol.16, No. 4, pp. 42-62.]

¹³ Ibid. С. 56.

¹⁴ См. подробно: Harkavy, R.; Kemp, G. *Strategic Geography and the Changing Middle East*.

Тартусе и Латакии. В период с 2003-2010 гг. объемы российско-сирийских соглашений на поставку вооружений выросли на 120% с \$2,1 млрд (2003-2006) до \$4,7 млрд (2007-2010). Именно в этот период закладывается базис того, что с осени 2015 г. некоторые исследователи стали именовать «союзом на подавление внутренней угрозы» (*internal threat alliance*)¹⁶. Это важное обстоятельство, поскольку, с точки зрения теории международных отношений, позволяет характеризовать российский-сирийские отношения именно как «союз» – то, что формируется [сначала] в мирное время, а не как «коалицию» – формацию, которая образуется уже в ходе войны¹⁷.

“Союз на подавление внутренней угрозы” действительно базируется на запросе более слабого государства к более сильному (великой державе). Цель руководства первого – сохранить власть перед лицом угрозы, второго – защитить свои интересы в этой стране и регионе через стабилизацию правящего режима. Аналогичным образом оппозиционные сирийскому правительству группировки обратились за помощью к внешним спонсорам. Многие получили эту помощь как раз потому, что собственные региональные интересы эти внешние страны связывали со смещением Асада и приходом к власти оппозиционных сил, для которых «внутренней угрозой» было как раз руководство САР. Таким образом, сравнительный анализ союзов позволяет определить данный тип союзов в качестве варианта «внешнего балансирования» (*external balancing*) – одной из двух стратегий в рамках неореалистической теории баланса угроз, предложенной Стивенем Уолтом¹⁸.

Для России союз с Сирией «на подавление внутренней угрозы» решал геополитические, экономические и военно-стратегические вопросы не только в этой стране и даже не

только в восточной части Средиземноморья. Речь, кроме прочего, шла о новом более весомом позиционировании Москвы в международных отношениях. На практике это могло быть достигнуто в том числе за счет решительного отстаивания интересов с опорой на военно-политический инструментарий на удаленном театре действий.

Кроме того, в рамках этой союзной модели российская сторона способствовала возвращению на сторону правительства многих крупных сирийских военных и бизнесменов, которые в первые недели народных восстаний выбрали сторону оппозиции. Повысив издержки за ренегатство и предложив систему поощрений для тех, кто будет поддерживать официальный Дамаск, Москва, фактически, попутно подвигла часть сирийской оппозиционной силы на принятие в отношениях с Асадом «примыкания» (*bandwagoning*) – второй стратегии в рамках теории баланса угроз. Это также внесло существенный вклад в успех российской политики в Сирии и спасение сирийского руководства.

Нужно отметить, что одним из системообразующих элементов союза является представление о благонадежности союзника (*reliability*). Под «благонадежностью» в союзах понимают набор позитивных ожиданий от крепости отношений с конкретным контр-партнером в кризисной ситуации. Союз, в котором контр-партнер не оправдывает (или ожидается, что не оправдает) взятых на себя обязательств, лишен ценности. Более того, недееспособность такого союза несет угрозу – по крайней мере для одного из контр-партнеров – обнаружить себя в еще более уязвимом положении, чем до заключения союза. «Благонадежность» – это категория из сферы восприятия, иногда подкрепляемая историческим опытом взаимодействия с конкретным контр-партнером. Поэтому государства, как правило, подходят к выбору союзников осмотрительно, стараясь на предварительном этапе обеспечить хотя бы минимальную верифицируемость этой «благонадежности»¹⁹.

¹⁶ Quirk, P. *Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances*. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 178-213.

¹⁷ Snyder, G. *Alliance Theory: A Neorealist First Cut // Journal of International Affairs*, Spring/Summer 1990, Vol. 44, No. 1, p. 105.

¹⁸ См. подробно: Walt, S. *The Origins of Alliances*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. 322 p.

¹⁹ Crescenzi, M. et al. *Reliability, Reputation, and Alliance Formation // International Studies Quarterly*, June 2012, Vol. 56, No. 2, pp. 259-274.

Тем не менее, в случае с Б. Асадом говорить о том, что критерий «благонадежности» был определяющим, не приходится²⁰. Москва защищала не столько правящий «режим», сколько принципы и нормы международного права, необходимость осуществления любых внутривосточных изменений строго в конституционном поле. Особую роль в этом сыграло крайне негативное восприятие итогов кампаний в Ираке и Ливии, обернувшихся для региона долгосрочными негативными последствиями.

Существенная поддержка, которую Москва оказывала – и продолжает это делать – официальному Дамаску, позволила обеспечить серьезные преимущества для сирийской армии «на земле». Вместе с тем, именно Россия парадоксальным образом приобрела уникальные конкурентные преимущества и в политической области.

На начальном этапе военной операции России в Сирии были весьма популярны прогнозы о том, что, вмешавшись в конфликт на стороне «алавитского режима и поддерживавших его иранцев», Москва играла на стороне шиитов, и вероятными последствиями подобных действий станет деградация российских отношений с суннитскими государствами, включая монархии Персидского залива²¹. Дальнейшее развитие событий, тем не менее, продемонстрировало несостоятельность подобных линейных построений.

Деидеологизированность и отсутствие догматизма придавали российской политике необходимую гибкость и маневренность, и, как следствие – дополнительную эффективность. В результате, Москва стала единственным государством, не имевшим ограничений на взаимодействие с теми или иными государствами по сирийскому вопросу и сумевшим наладить рабочие

контакты со всеми сторонами сирийского конфликта, кроме террористических группировок. Россия также стала единственным государством-участником всех многосторонних форматов урегулирования сирийского кризиса – от традиционных (Совет Безопасности ООН), до инновационных, созданных по прошествии определенного периода с начала конфликта (Международная группа поддержки Сирии, лозаннский формат, «астанинский треугольник»). При этом Россия вела серию двусторонних диалогов по сирийскому урегулированию как с региональными (Иран, Турция, КСА, Катар, ОАЭ, Израиль, Египет, Иордания, Ирак), так и с глобальными игроками (прежде всего, США). Наконец, несмотря на в целом антиправительственный уклон Секретариата Всемирной Организации, непростое взаимодействие Москвы с агентствами и структурами ООН также принесло существенные результаты с точки зрения российских интересов. Таким образом, Россия постепенно вышла на еще одну модель союзных отношений в регионе, которую полнее всего описывает сетевой анализ²².

«Астанинская тройка»: союз или «антанта нового типа»

Наибольшее распространение сетевой подход получил в 1990-е гг., когда его методология стала применяться в контексте теории комплексной взаимозависимости²³. В российской науке о международных отношениях сетевой подход, тем не менее, широкого применения пока не нашел. Основной организационный принцип этого подхода заключается в определении вершин (узлов) сети, которые представляют собой отдельные акторов – государства или международные организации. Связи между вершинами (ребра) могут служить для передачи между

²⁰ О сложностях союзных отношений великих держав с ближневосточными государствами см.: Turner, J. Great Powers as Client States in a Middle East Cold War // *Middle East Policy*, 2012, Vol. 19, Issue 3, pp. 124-134.

²¹ Putin, Champion of the Shias // *Economist*, 17.10.2015. Mode of access: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2015/10/17/putin-champion-of-the-shias>

²² Hafner-Burton, E.; Kahler, M.; Montgomery, A. Network Analysis for International Relations // *International Organization*, 2009, Vol. 63, No. 3, pp. 559-592.

²³ Maoz, Z. Networks of Nations: The Evolution, Structure, and Impact of International Networks, 1816-2001. Cambridge University Press, 2010. 433 p.

акторами как материальных объектов – оружия, денежных средств, техники, так и нематериальных – информации, ценностей, убеждений. Таким образом, совокупность связей (ребер) между вершинами образуют сеть. Анализ дальнейшей конфигурации сети строится вокруг категории центральности, которая, в свою очередь, характеризует роль вершины в сети²⁴.

Российская инициатива по формированию т.н. «Астанинской тройки» с участием Турции и Ирана во многом отображает данную модель. При этом, учитывая плотность связей в этой сети между Россией и двумя другими «вершинами» – Турцией и Ираном – можно говорить о российской «центральности по степени» (*degree centrality*) – положения, которое характеризует наиболее активную вершину в сети²⁵.

Стоит отметить, что Москва пришла к этой формации не сразу, а после небезуспешных попыток выстроить сотрудничество на сирийском треке с Соединенными Штатами. Несмотря на отрицательную динамику двусторонних отношений с Вашингтоном, Россия не только не уклонялась от диалога с США по Сирии, но и извлекла из него существенную выгоду. В частности, в 2013 г. были достигнуты договоренности²⁶, подразумевавшие вывоз и ликвидацию под международным контролем сирийского химического оружия. Это позволило предотвратить реализацию в Сирии силового сценария, к которому активно готовились в Вашингтоне. Был сделан важнейший шаг на пути сохранения сирийской государственности, что соответствовало российским интересам.

Российско-американский трек получил дополнительный импульс к развитию в связи с началом операции ВКС России в Сирии. Двустороннее взаимодействие по-

зволило двум странам с 2015 г. выполнять роль сопредседателей Международной группы поддержки Сирии (МГПС)²⁷. Этот орган инициировал ряд важных решений по военно-политическим и гуманитарным аспектам сирийского «досье», однако постепенно трансформировавшись в платформу политизированного обмена мнениями, утратил свою актуальность.

Важнейшим достижением российско-американского взаимодействия стали договоренности о т.н. деконфликтинге²⁸, направленные на недопущение столкновения военных двух стран. В условиях одновременного проведения операций Россией и США по разные стороны реки Евфрат, подобная мера доказала свою эффективность. Российско-американский диалог также привел к важным договоренностям о введении в САР общенационального режима прекращения боевых действий²⁹ (февраль 2016 г.) и сделке о демилитаризации оккупированного незаконными группировками Восточного Алеппо³⁰ (сентябрь 2016 г.).

Наконец, договоренности двух глобальных игроков оказали дисциплинирующее влияние на страны региона, в тот период, когда последние еще делали ставку на военное решение кризиса (это касается как стран, поддерживавших вооруженную оппозицию – Турции, КСА и Катара – так и государств, оказавших содействие правительству САР, прежде всего, Ирана).

²⁷ Члены МГПС: Австралия, Алжир, Великобритания, Германия, Европейский союз, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Испания, Италия, Канада, Катар, Китай, Ливан, Лига арабских государств, Нидерланды, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Организация исламского сотрудничества, Организация Объединенных Наций, Россия, Саудовская Аравия, Соединенные Штаты Америки, Турция, Франция и Япония.

²⁸ Меморандум о предотвращении инцидентов и обеспечении полетов авиации в ходе операции в Сирии. 21.09.2015.

²⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки в качестве сопредседателей Международной группы поддержки Сирии о прекращении боевых действий в Сирии. 22 февраля 2016.

³⁰ Reducing Violence, Restoring Access and Establishing the JIC. Geneva, 9 September 2016.

²⁴ Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 119-138. [Degterev, D.A. Setevoi analiz mezhdunarodnykh otnoshenii (Network Analysis of International Relations) // *Vestnik SPbGU*, 2015, Vol. 6, Issue 4, pp. 119-138.]

²⁵ Ibid. С. 122.

²⁶ Российско-американская рамочная договоренность по уничтожению сирийского химического оружия. Женева, 14 сентября 2013.

Тем не менее, степень реализации двусторонних соглашений была незначительной в силу отсутствия у США возможностей оказывать необходимое влияние на оппозиционные группировки боевиков – соответствующие рычаги находились в руках государств региона.

Именно неспособность Вашингтона оказать требуемое влияние на антиправительственные силы «на земле» обусловила появление «восточного вектора» российской политики на сирийском направлении. Разочарование в связи с низкой степенью реализации соглашения по Восточному Алеппо со стороны боевиков заставило Москву обратить внимание на возможности кооперации с Турцией – ведущего спонсора «северных» группировок вооруженной оппозиции.

Российско-турецкие переговоры в декабре 2016 г. по тематике Восточного Алеппо дали более оперативный и осязаемый результат, чем российско-американское взаимодействие по аналогичной повестке. Тактика достижения конкретных целей через задействование потенциала крупных региональных игроков привела Россию к пониманию необходимости смещения фокуса работы в пользу последних – по крайней мере, в части решения конкретных оперативно-тактических задач «на земле».

Соответствующая адаптация линии привела к возникновению астанинского формата (Россия, Турция, Иран), в рамках которого были достигнуты важнейшие решения о введении в Сирии общенационального режима прекращения боевых действий и о создании четырех зон деэскалации. В политической плоскости прорыв удалось обеспечить за счет принятого по итогам Конгресса сирийского национального диалога (январь 2017 г., Сочи)³¹, состоявшегося под «зонтиком» астанинского формата³², решения о формировании сирийского Конституционного комитета, который начал работу в Женеве.

Некоторые исследователи, впрочем, настаивают на необходимости отличать союзы

(*alliances*) от соглашений, основанных на доброй воле участников (*ententes*). В случае последних твердые обязательства участников друг перед другом отсутствуют, и они функционируют преимущественно на признании (*recognition*) того, что соглашение будет действовать до тех пор, пока будет служить общим (и частным) интересам его участников. Однако сам вектор «соглашений доброй воли» принципиально отличается от того, на что направлены союзы. «Антанты» более гибки, чем союзы, и в отличие от последних редко когда регламентируют вопросы идеологической направленности, секретности, уровней контактов и пр.³³ С этой точки зрения отношения Турции, Ирана и России можно отнести, скорее, к «антанте нового типа», чем традиционному союзу.

Однако существует и более нюансированная трактовка отношений между «вершинами» в сетевой структуре союзов³⁴. Согласно ей, во-первых, базовая ориентация государств в отношении друг друга наиболее четко отражается в военных союзах. Мирные намерения, желание (до определенной степени) координировать внешние политики по конкретному набору вопросов и проекция готовности к оказанию военной помощи – важные маркеры «серьезности» страны в вопросе «предметного союзничества» со своими контр-партнерами. Сравнительный анализ отношений в «астанинском треугольнике» показывает, что в случае с Россией – все вышеизложенные пункты были максимально четко обозначены Турцией и Ирану еще до формального создания астанинской группы.

Во-вторых, изменения в структуре «сетевых» союзов во многом детерминируются феноменом т.н. «прерывистого равновесия», когда отрезки видимой статичности, отсутствия динамики, сменяются рывками развития. В случае с астанинским форматом к таким «рывкам» можно как раз отнести провозглашение общенационального режима прекращения боевых действий, создание зон

³¹ Заключительное заявление Конгресса сирийского национального диалога, Сочи, 30 января 2018 Документ ООН S/2018.2011.

³² Совместное заявление Президентов Ирана, России и Турции. Сочи, 22 ноября 2017 г.

³³ Kann, R. *Alliances versus Ententes* // *World Politics*, 1976, Vol. 28, Issue 4, pp. 611-626.

³⁴ Cranmer, C.; et al. *Toward a Network Theory of Alliance Formation* // *International Interactions*, 2012, Vol. 38, Issue 3, pp. 295-324.

де-эскалации, формирование Конституционного комитета. В конечном итоге, подобный типовой вариант развития событий из года в год, дает те результаты, ради которых подобные союзные формации и задумывались. В случае с конфликтом в Сирии это нашло отражение в том, что правительство в Дамаске расширило географию подконтрольных территорий, а каждый из членов астанинской тройки на текущий момент сохраняет значимые геополитические и стратегические активы в Сирии.

В-третьих, на стабильность таких союзов также влияют роль военной силы для каждой из стран-участниц и политическая совместимость элит. Несмотря на существующие разногласия, произрастающие из неодинаковых интересов, у руководства Турции, России и Ирана по обоим из вышеобозначенных критериев, скорее, больше общих черт: все три страны высоко оценивают фактор [военной] силы во внешней политике и все три президента – Эрдоган, Путин, Рухани – сумели наладить между собой «личную химию» и разговаривают на языке прагматизма в межгосударственных отношениях.

Наконец, набор этих исходных выражается в том, что сторонники этого варианта сетевого анализа называют «тройственным сближением» (*triadic closure*) – состояние, когда сближение трех игроков производит синергетический эффект, при котором каждый участник данного союза в сумме получает для себя выгоду большую, чем та, которую он бы имел в результате двусторонних связей. Сопряжение потенциала стран-гарантов астанинского формата, их влияния на сирийские власти и проправительственные отряды с одной стороны и группы политической и вооруженной оппозиции – с другой, безусловно, имело особый эффект и на выходе обеспечило более внушительный результат чем тот, на который можно было бы рассчитывать в рамках двустороннего взаимодействия или тем более единоличных действий.

Заключение

Если политика – это искусство возможного, то союзы – ресурс по созданию этих возможностей для политики. Формирова-

ние союзов, их становление – сложный и длительный процесс. Региональные реалии вносят в него свою специфику: союзы на Ближнем Востоке, как правило, волатильны, неустойчивы, кратковременны, часто асимметричны, подвержены кризисам и иным изменениям окружающей политической среды. Это нужно иметь ввиду при выстраивании собственных союзных отношений в регионе. На современном этапе дополнительные сложности в построении союзов исходят не только с уровня государств, но и негосударственных акторов, а также квазисоюзов первых и вторых, как это можно наблюдать на примере войны в Сирии.

«Возвращение» России на Ближний Восток, в том числе с собственным видением и инициативами по выстраиванию гибких, анти-кризисных, *ad hoc* союзов в определенной мере открывает новый этап формирования союзов в регионе. Сравнительный анализ американского и российского подхода в первой части работы демонстрирует принципиальное отличие самих философий союзничества в регионе двух стран, их разновекторность. У США – экстенсивное доминирование и ориентация на сдерживание прямых соперников. У России – интенсивное взаимодействие с целевой страной/группой стран для решения конкретной проблемы на определенном отрезке времени и ориентация на вовлечение всех конфликтующих сторон без блокового разделения. В этом отношении астанинский формат – особый механизм сирийского урегулирования. В отличие от ведомых странами Запада структур, в целом идеологически однородных и разделяющих общее целеполагание в контексте войны в Сирии, Астана объединила три государства с различными, порой прямопротиворечащими военно-политическими повестками. Прагматизм и готовность ко взаимовыгодным разменам позволили достичь результатов, которых не удалось добиться ни в российско-американском формате, ни по итогам более десятка раундов межсирийских переговоров под эгидой ООН в Женеве. Будучи эффективным инструментом реализации интересов, астанинский формат одновременно оставлял России необходимую ей свободу маневра для решения

собственных задач. На двустороннем треке, как показывает сравнительный анализ второй части настоящего исследования, Россия демонстрирует конвергенцию стратегий союзничества. С одной стороны, очевидны проявления элементов стратегии континентальной державы, с другой – ярко выражена стратегия «союза на подавление внутренней угрозы» – борьба с терроризмом и незаконными оппозиционными военизированными группировками для поддержания легитимного правительства в Дамаске.

В свою очередь, данные подходы к союзничеству в теории могли бы заложить основания для формирования более устойчивой архитектуры региональной безопасности. Вместе с тем, нельзя утверждать, что закладываемая Соединенными Штатами на протяжении многих лет собственная система союзов полностью себя изжила. Даже если сегодня занимаемая Америкой позиция одним представляется как «ожидающая», другим как «отступающая», а сама сетка американских союзов морально и политически нерелевантной текущим реалиям, Соединенные Штаты и их союзники – Израиль и арабские монархии Персидского залива – обладают достаточным запасом ресурсов и рычагов влияния, чтобы по-прежнему формировать большую часть региональной повестки, особенно в части безопасности. Возможно, следующим этапом в развитии региональных союзов будет более активная роль Китая, который пока осваивается в регионе преимущественно в экономической, инвестиционной и инфраструктурных нишах.

Литература:

Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: «Центрполиграф», 2018. 970 с.

Воскресенский А.Д. Трансформация мирового порядка в условиях «постзападной» международной реальности // *Academic Journal of Russian Studies*. 2018. № 6 (48). С. 136-149.

Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 119-138.

Истомин И.А.; Сушенцов А.А.; Силаев Н.Ю. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 4. С. 42-62.

Cranmer, C.; et al. Toward a Network Theory of Alliance Formation // *International Interactions*, 2012, Vol. 38, Issue 3, pp. 295-324.

Crescenzi, M. et al. Reliability, Reputation, and Alliance Formation // *International Studies Quarterly*, June 2012, Vol. 56, No. 2, pp. 259-274.

Dwivedi, S. Alliances in International Relations Theory // *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*. August 2012. Vol. 1. Issue 8. Pp. 224-237.

Gause, G. Iran, Iraq and the United States: The Illogic of dual containment // *Foreign Affairs*. March/April, 1994 Issue. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/illogic-dual-containment>

Hafner-Burton, E.; Kahler, M.; Montgomery, A. Network Analysis for International Relations // *International Organization*, 2009, Vol. 63, No. 3, pp. 559-592.

Harkavy, R.; Kemp, G. Strategic Geography and the Changing Middle East. Carnegie Endowment for International Peace, 1st ed. 1997. 512 p.

Hussain, N.; Amna, J. Alliance Politics and the New Power Equation in the Middle East // *NDU Journal*, 2018. Pp. 41-50.

Kann, R. Alliances versus Ententes // *World Politics*, 1976, Vol. 28, Issue 4, pp. 611-626.

Krepinevich, A.; Watts, B. Regaining Strategic Competence. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments. 02.05.2009. Mode of access: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a506833.pdf>

Levy, S.; Thompson, R. Balancing on Land and at Sea: Do States Ally against the Leading Global Power? // *International Security*, 2010, Vol. 35, No. 1, pp. 7-43.

Maoz, Z. Networks of Nations: The Evolution, Structure, and Impact of International Networks, 1816-2001. Cambridge University Press, 2010. 433 p.

Middleton, J. World Monarchies and Dynasties. London: Routledge, 2013. 201 p.

Quirk, P. Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp.178-213.

Rothkopf, D. The Arc of Instability, the Vacuum of Strategy // *Foreign Policy*, August 11, 2014. Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2014/08/11/arc-of-instability-vacuum-of-strategy-pub-56373>

Russia's Return to the Middle East: Building Sandcastles? // Ed by Nicu Popescu, Stanislav Secieru. Chaillot Paper № 146. July 2018, 120 p.

Snyder, G. Alliance Theory: A Neorealist First Cut // *Journal of International Affairs*, Spring/Summer 1990, Vol. 44, No.1.

Turner, J. Great Powers as Client States in a Middle East Cold War // *Middle East Policy*, 2012, Vol. 19, Issue 3, pp. 124-134.

Walt, S. The Origins of Alliances. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. 322 p.

Walt, S. Why Alliances Endure or Collapse? // *Survival*. 1997. Vol. 39. Issue 1. Pp. 156-179.

References:

Cranmer, C.; et al. Toward a Network Theory of Alliance Formation // *International Interactions*, 2012, Vol. 38, Issue 3, pp. 295-324.

Crescenzi, M. et al. Reliability, Reputation, and Alliance Formation // *International Studies Quarterly*, June 2012, Vol. 56, No. 2, pp. 259-274.

Degterev, D.A. Setevoi analiz mezhdunarodnykh otnoshenii (Network Analysis of International Relations) // *Vestnik SPbGU*, 2015, Vol. 6, Issue 4, pp. 119-138.

- Dwivedi, S.* Alliances in International Relations Theory // *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*. August 2012. Vol. 1. Issue 8. Pp. 224-237.
- Gause, G.* Iran, Iraq and the United States: The Illogic of dual containment // *Foreign Affairs*. March/April, 1994 Issue. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/illogic-dual-containment>
- Hafner-Burton, E.; Kahler, M.; Montgomery, A.* Network Analysis for International Relations // *International Organization*, 2009, Vol. 63, No. 3, pp. 559-592.
- Harkavy, R.; Kemp, G.* Strategic Geography and the Changing Middle East. Carnegie Endowment for International Peace, 1st ed. 1997. 512 p.
- Hussain, N.; Amna, J.* Alliance Politics and the New Power Equation in the Middle East // *NDU Journal*, 2018. Pp. 41-50.
- Istomin, I.A.; Sushentsov, A.A.; Silaev, N.Iu.* Strategii soiuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav (Alliance Strategies of Continental and Naval Powers) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2018, Vol.16, No. 4, pp. 42-62.
- Kann, R.* Alliances versus Ententes // *World Politics*, 1976, Vol. 28, Issue 4, pp. 611-626.
- Krepinevich, A.; Watts, B.* Regaining Strategic Competence. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments. 02.05.2009. Mode of access: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a506833.pdf>
- Levy, S.; Thompson, R.* Balancing on Land and at Sea: Do States Ally against the Leading Global Power? // *International Security*, 2010, Vol. 35, No. 1, pp. 7-43.
- Maoz, Z.* Networks of Nations: The Evolution, Structure, and Impact of International Networks, 1816-2001. Cambridge University Press, 2010. 433 p.
- Middleton, J.* World Monarchies and Dynasties. London: Routledge, 2013. 201 p.
- Quirk, P.* Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 178-213.
- Rothkopf, D.* The Arc of Instability, the Vacuum of Strategy // *Foreign Policy*, August 11, 2014. Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2014/08/11/arc-of-instability-vacuum-of-strategy-pub-56373>
- Russia's Return to the Middle East: Building Sandcastles? // Ed by Nicu Popescu, Stanislav Secieru. Chaillot Paper № 146. July 2018, 120 p.
- Snyder, G.* Alliance Theory: A Neorealist First Cut // *Journal of International Affairs*, Spring/Summer 1990, Vol. 44, No. 1.
- Turner, J.* Great Powers as Client States in a Middle East Cold War // *Middle East Policy*, 2012, Vol. 19, Issue 3, pp. 124-134.
- Vasil'ev, A.M.* Ot Lenina do Putina. Rossiia na Blizhnem i Srednem Vostoke (Russia in the Middle East: From Brezhnev to Putin). Moscow: Centerpoligraph, 2018. 970 p.
- Voskressenski, A.D.* Transformatsiia mirovogo poriadka v usloviakh «postzapadnoi» mezhdunarodnoi real'nosti (Transformation of the World Order in the "Post-Western" International Reality) // *Academic Journal of Russian Studies*, 2018, No. 6 (48), pp. 136-149.
- Walt, S.* The Origins of Alliances. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. 322 p.
- Walt, S.* Why Alliances Endure or Collapse? // *Survival*. 1997. Vol. 39. Issue 1. Pp. 156-179.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA'S ALLIANCE-FORMATION STRATEGIES IN THE MIDDLE EAST

Maxim A. Suchkov

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Maria S. Khodynskaya-Golenischeva

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 11.04.2020</p> <p><i>Sent for editing:</i> 13.04.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.08.2020</p>	<p>Abstract: Contemporary history of the Middle East has seen at least four periods of active inter-state alliance formation – three of which led by the United States. The return of Russia to the Middle East has helped shape new alliances and coalitions. Unlike the American “philosophy” of alliance formation underpinned by the imperative for a comprehensive politico-military presence as well as prevention of, first, Soviet and then, Iranian regional expansion, the Russian model is oriented toward the players, cooperation with which could solve a current or a potential crisis at a specific time period. Coupled with consistent and pragmatic foreign policy course, it was non-trivial strategies for flexible alliance-formation that enabled Moscow to establish itself as one of the leading player in the turbulent region as well as a responsible global power. At the same time, the comparative analysis of the Russian campaign in Syria and Moscow’s relations with key states in the region shows that Russia has been exercising elements of at least three alliance-formation strategies.</p> <p><i>Acknowledgements: the article was supported by the Russian Science Foundation grant “Typology of Modern Military-Political Alliances and Models of Russia’s Relations with Its Allies”, project No. 17-78-20170</i></p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Maxim A. Suchkov</i>, Associate Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University; Senior Research Fellow, Scientific Center (Laboratory) of Analysis of International Processes, MGIMO University</p> <p>e-mail: max-suchkov@yandex.ru</p> <p><i>Maria S. Khodynskaya-Golenischeva</i>, Dr. of History, Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University; Senior Adviser, Department of Foreign Policy Planning, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation</p> <p>e-mail: khodynskaya_m@mail.ru</p>	
<p>Key words: Russia; Middle East; security; alliances; strategies; Syria; Turkey; Iran</p>	

Для цитирования: Сучков М.А., Ходынская-Голенищева М.С. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 69-81.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006

For citation: Suchkov, Maxim A., Khodynskaya-Golenischeva, Maria S. Sravnitel’nyy analiz rossiyskikh strategiy soyuznichestva na Blizhnem Vostoke (Comparative Analysis of Russia’s Alliance-Formation Strategies in the Middle East) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 69-81.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006